

"Что объединяет людей — труд, спорт, праздники"

— Какие задачи поставлены перед новым агентством?

— Есть основополагающая стратегия государственной национальной политики. Агентство призвано заниматься ее реализацией для решения двух ключевых задач: укрепления единства российской нации и содействия этнокультурному развитию народов страны. Но геополитические изменения, безусловно, влияют и на межнациональные отношения, мы видим, что общество сейчас беспокоят и внутренняя, и внешняя миграция, и наступление радикального ислама, и проявления экстремизма. Агентство занимается разработкой эффективных алгоритмов, которые могли бы использовать регионы и мои коллеги в правительстве для решения этих проблем. Потому что межнациональный и межконфессиональный аспект присутствует в работе всех органов власти.

— Вы предлагаете рассматривать национальную политику с точки зрения обеспечения безопасности страны?

— Да. Любые непродуманные шаги в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений являются серьезной угрозой национальной безопасности. Особенно если к таким шагам подталкивают извне. Считаю, что необходимо актуализировать блок о межнациональных и межконфессиональных отношениях в стратегии национальной безопасности.

— То есть вы будете препятствовать межнациональной розни, которая разжигается между русскими и украинцами в том числе через блоги и социальные сети?

— Сегодня отношения дошли до серьезного противостояния, иногда до ненависти, и это в первую очередь выплескивается в интернете. Но одной лишь блокировкой блогов дела не поправишь. Надо остановить вооруженный конфликт, и эта бытовая ненависть тоже уйдет. — **Русский вопрос скорее объединяет или разъединяет?**

— Если рассматривать русский вопрос как совокупность русского языка, русской культуры, роли русского народа в истории нашей страны, то, конечно, объединяет. В

нем, как и во всех национальных вопросах, важно соблюдение баланса, недопущение перекосов, скатывания в национализм.

— **Замглавы АП Магомедсалам Магомедов, курирующий межнациональную политику, в интервью сказал, что человек должен в первую очередь ощущать себя россиянином, а потом чувствовать свою национальную принадлежность. До какой степени вы собираетесь укрепить единство российской нации?**

— У нас в стране очень сложная многоступенчатая и разнонаправленная идентичность. Упомянутый вами уважаемый **Магомедсалам Магомедалиевич в Дагестане** — дагинец, для многих за его пределами — дагестанец, а за границей — россиянин. И на эту многогранную идентичность у нас накладываются различные аспекты, например исторические. Изменились границы, политический строй, устои, образ жизни. Еще в начале 2000-х годов общегражданская идентичность уступала другим идентичностям по национальному, профессиональному, религиозному принципу. А уже где-то к 2011 году гораздо больше людей стали ощущать себя гражданами России. И именно с этим временем связаны успехи в экономике, социальной сфере, началось восстановление связи времен и исторической памяти досоветского периода. Человек в первую очередь должен быть гражданином нашей страны, а потом уже представителем своей национальности. Это позволяет не только бороться с внешними угрозами, отстаивать независимость государства, но и решать внутренние проблемы. Различия в уровне развития экономики, социальной сферы, культуры, образования между регионами отчасти нивелируют это чувство общей родины. Но объединившись, проще решать любые вопросы. Мы должны искать новые идеи, которые объединяли бы людей. Они есть и успешно воплощаются. Например, реальное единство людей прекрасно показал 9 мая "Бессмертный полк". Память о Победе, гордость за своих родных объединила всю страну.

— **Сделаете модельные проекты для регионов?**

— Да. Хотим разработать несколько модельных мероприятий в едином формате, с единой символикой, которые по всей стране будут проходить одинаково. Например, День народного единства. Когда мы еще должны говорить о единстве, как не в этот день? Главный праздник. А еще детские мероприятия, программы, в том числе образовательные.

Есть много волонтерских практик, когда представители разных национальностей объединяются для благоустройства памятников культуры, религиозных объектов. Ну, что объединяет людей? Труд, спорт и праздники. Когда человек видит, что те же мероприятия, которые транслируют по телевизору из Москвы или Питера, в той же стилистике проходят и у него в городе, это вызывает чувство сопричастности.

Даже управленческое решение на государственном уровне, которое на первый взгляд совершенно не связано с межконфессиональными, с национальными отношениями, укрепляет единство российской нации. Например, решение о дотации перелетов из отдаленных районов Сибири, Дальнего Востока в центр России и Крым. На Дальнем

Востоке выросло молодое поколение, ни разу не побывавшее в столице. Сейчас они получили эту возможность и будут ощущать себя не жителями дальних регионов, а гражданами большой и разнообразной страны. Конечно, все это надо делать с детского сада, школы, вуза, семьи, с культуры, кинематографа. Патриотизм надо закладывать в образовательные программы, учебники истории, театральные постановки, дотировать художественные фильмы. На государственные деньги снимать не только фильмы о том, как плохо и тяжело у нас жить, особенно в провинции, но и о том, что мы великая страна, в которой веками мирно живут разные народы, дополняя друг друга.

"Большие деньги притягивают проповедников радикального ислама"

— Одной из практических задач агентства является разработка системы мониторинга межнациональных проблем. Как она будет работать?

— Система мониторинга, анализа и прогнозирования межнациональных, межконфессиональных проблем разрабатывается, чтобы вовремя поставить "правильный диагноз". Национальные проблемы — вечный спутник кризиса, социальной несправедливости, коррупции. К конфликтам приводят бытовые, экономические, криминальные факторы. Существующие системы в большей степени констатируют то или иное событие постфактум. А нам надо создать систему, которая показала бы, где и почему эти проблемы накапливаются, предвидеть развитие, дать анализ для федеральных и региональных органов госвласти.

— Вы будете опираться на те разработки, которые уже начали делать в Минрегионе, или начнете все заново?

— В Минрегионе эта работа сводилась к накоплению объема информации, из которой очень сложно понять, что же на самом деле происходит, и еще сложнее сделать выводы, принять своевременные меры. Эту систему мы модернизируем, сделаем многоуровневой. Информацию диверсифицируем, иначе невозможно рассчитывать на объективность. Она будет поступать от муниципального уровня на региональный, с регионального к нам. Какая-то информация от федеральных органов исполнительной власти, силовиков — напрямую к нам. Мы сможем опираться на данные Росстата, ФСБ, ФСО, МВД, Росфинмониторинга. Планируется создание достаточно серьезной IT-программы. Главная сложность в том, чтобы состыковать программное обеспечение, социологию и экспертные оценки, которые мы тоже получим. В этой состыковке и кроется ключ к получению эффективных данных мониторинга, которые давали бы возможность понять, почему в том или ином регионе в результате тех или иных причин сложная ситуация. Это может быть, например, неконтролируемая миграция, превалирование какой-то одной национальности в определенной сфере экономики. Организуем опросы населения. При этом наш анализ показал, что фактически во всех регионах, особенно в национальных республиках, на социологические исследования в области межнациональных отношений средства закладываются большие. Но эффективность этих опросов эксперты оценивают скептически, выводы в масштабах

всей страны сделать из них достаточно сложно. Мы будем унифицировать эту систему, уже готовим рекомендации.

— Когда может быть налажена система мониторинга?

— Мы планируем, что она заработает к концу года. Рассчитываем на это.

— Предположим, мониторинг выявил, что в каком-то регионе, например в Тюменской области, ХМАО, ЯНАО, где сейчас распространяется радикальный ислам, сложная ситуация. И что?

— Да, "тюменская матрешка", там эти проблемы как раз сейчас накапливаются, потому что все три субъекта — доноры. Большие деньги, большие зарплаты, большой миграционный поток, и, соответственно, туда потянулись и проповедники идей радикального ислама, несколько подпольных исламистских организаций пытаются активно там работать. Здесь мы, конечно, должны вместе с силовиками заниматься профилактикой, чтобы полиция и спецслужбы вступали на раннем этапе, а не тогда, когда факты деструктивной и противозаконной деятельности уже случились. Ну а если что-то случилось, у нас есть возможность оперативного реагирования, будем высылать группу экспертов на место.

— Что можно противопоставить "Исламскому государству", вербовщикам молодежи?

— Никто в мире до конца сейчас не может с этим справиться. У нас, по разным оценкам, около 2 тыс. человек уже уехали в Сирию, Ирак, ИГИЛ. Здесь нужна работа по многим направлениям. На сайтах идет откровенная пропаганда так называемого чистого ислама, идей ИГИЛ, которые никакого отношения к религии не имеют. Это воинствующая идеология. Сейчас агентство разрабатывает со спецслужбами и Генпрокуратурой систему, которая будет оперативно проводить оценку сайтов и СМИ на предмет пропаганды экстремистских и террористических взглядов для последующего принятия Роскомнадзором мер по блокировке интернет-ресурсов и последующего удаления опасного контента.

— Эксперты говорят, что в борьбе с радикальным исламом необходимо создавать альтернативные точки притяжения. Вы этим будете заниматься?

— В этом вопросе велика роль духовных лидеров российской уммы, руководителей мусульманских организаций. Мы, безусловно, готовы оказать им все необходимое содействие, в том числе в вопросах подготовки и переподготовки священнослужителей, которые должны быть конкурентоспособны в борьбе с лжепроповедниками за умы и души молодых верующих.

— Проблемами крымских татар тоже будете заниматься?

— До недавнего времени этим вопросом занималось Министерство по делам Крыма. По

идее, сейчас эти вопросы должны отойти к нам, но решение будет принимать правительство. Это в целом проблема репрессированных народов. Татар среди них много, но есть еще немцы, армяне, греки, болгары. В Крыму проживают и караимы-крымчаки, которые признаны коренным малочисленным народом. Это все наша зона ответственности. Там непаханое поле — надо продолжать работу и по социально-экономическому обустройству, и по интеграции этих народов в единое образовательное, культурное, историческое пространство.

"Никто там не сможет говорить со мной 'через губу'"

— Почему именно вам предложили возглавить агентство?

— Сам думал: почему я? С одной стороны, в моем назначении сыграло роль то, что я свой для силовиков, понимаю, как работают эти механизмы. С другой стороны, я 12 лет занимался политикой, а сейчас именно политический менеджмент будет очень важен для решения межнациональных вопросов, конфликтов, в том числе на Кавказе. Придется договариваться. У меня есть исторический опыт, связанный с Кавказом, и никто там не сможет говорить со мной свысока, "через губу". С **Юнус-Бек** **Евкуровым**, между прочим, я однополчанин, мы служили вместе в 103-й воздушно-десантной дивизии. С **Рамазаном Абдулатиповым** я был соседом по Госдуме. С Чечней также много связано, я был знаком с **Ахмат-Хаджи Кадыровым**. Одним словом, знаю, кто чем дышит, кто против кого дружит.

— Вы полковник ФСБ, но политическим менеджером стали в партии "Единая Россия", занимались партстроительством. Партбилет не сдаете?

— Новая должность заставляет плотно контактировать с лидерами всех политических партий. В решении межнациональных, межконфессиональных проблем не должно быть партийных различий, нужны единые подходы. Мы видим, к чему приводят спекуляции на этой теме, хотя бы у наших братьев на Украине. Но в руководстве "Единой России" я остаюсь (входит в генсовет "Единой России").

— Судя по тому, что ваш кабинет находится в Белом доме, своего здания у агентства пока нет. Организационные мероприятия не закончены?

— В ближайшее время мы переедем на свое историческое место, в бывшее здание Миннаца в Трубниковском переулке. Будем там "жить" вместе с Минкавказом.

— В Минкульте национальными проблемами занимались 35 человек. У вас штат увеличился до 100 сотрудников. Как шел отбор кадров?

— Основной костяк взяли из Минкульту. Это толковые, понимающие проблематику

люди, которые перешли в Минкульт из Минрегиона (упразднен в сентябре 2014 года указом президента). Но у нас увеличивается объем задач, связанных с профилактикой экстремизма, сепаратизма, последствиями неконтролируемой миграции. Именно из-за этого возникла необходимость создать агентство и набрать новых людей. У нас этими вопросами будет заниматься специальное управление. Всего управлений — четыре, включая административно-хозяйственное. Есть управление мониторинга, анализа и прогнозирования межнациональных, межконфессиональных конфликтов. Управление специальных программ и проектов, которое занимается реализацией ФЦП "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов РФ". Мы проводим ревизию региональных программ, которые софинансируем, и многие из них вызывают вопросы. Если с этнокультурой там еще более или менее ясно и в этом направлении что-то делается, то в плане укрепления единства российской нации не делается практически ничего.

— Экс-министр по делам национальностей Владимир Зорин, да и другие ваши известные предшественники утверждали, что национальная политика дорого стоит. Сколько стоит наша национальная политика сейчас?

— Не менее дорого, чем тогда, когда министром работал Владимир Юрьевич, с которым мы уже выстроили плотные взаимоотношения. Агентство создавалось в середине бюджетного года, плюс кризис, так что с финансами есть сложности. Но мы постараемся, чтобы деньги уходили на эффективные проекты, и будем безжалостно забирать там, где они используются нерационально.

— С кем из федеральных чиновников, которые курируют национальную политику, вы координируете работу?

— Я уже со всеми встречался. Мы договорились о плотном взаимодействии и с президентским советом, управлением внутренней политики администрации президента, и с моими коллегами по правительству — Федеральной миграционной службой, МИДом. У меня еще личного кабинета нет, а силовики уже сами звонят мне, предлагают варианты взаимодействия. Хорошие отношения сложились с Минкавказом. Агентство — это часть правительства, будем советоваться со всеми, находить компромиссы.

— Президентские советы по межнациональным проблемам, русскому языку, казачеству, правам человека предлагают повестку для президента. Как вы будете реагировать на их предложения?

— Но там люди разные в этих советах. Профессиональные, но иногда далекие от реальной жизни. Будем высказывать свою точку зрения. Если идеи разумные, то процесс будет проходить в том числе и с нашим участием.

— Пункт о межнациональном согласии входит в перечень критериев оценки эффективности работы региональных властей. Если вы нашли, что где-то не в порядке, какие рычаги воздействия на чиновников у вас есть?

— Уволить я, конечно, в регионах никого не могу. В субъектах РФ есть вполне понимающие проблематику люди, которые эффективно влияют на процессы. Именно эти люди станут нашими партнерами и проводниками государственной нацполитики на местах. Если где-то мы не будем находить взаимопонимания и поймем, что человек не отвечает требованиям, найдем рычаги воздействия. Будем информировать глав субъектов РФ об эффективности работы их подчиненных, ставить в известность администрацию президента и главу правительства. А уж они будут делать оргвыводы.

— В нормативных документах прописаны ваши полномочия по взаимодействию с заместителями губернаторов по национальной политике?

— Мы требуем выполнять государственную национальную политику, а не наши "хотелки". Думаю, в перспективе необходимо законодательно закрепить, чтобы агентство могло согласовывать назначения профильных руководителей в регионах. Такая практика есть в Минздраве, в Минобрнауки. Но пока я вижу заинтересованность и готовность взаимодействовать во всех регионах.